

Сонеты, Гамлет

Уильям Шекспир

Обыщите Интернет-

Лучше не было и нет!

Серия:
«Лучшие
переводы»

Перевод
Николая
Самойлова

Уильям Шекспир

Сонеты. Гамлет

«Accent Graphics communications»

Шекспир У.

Сонеты. Гамлет / У. Шекспир — «Accent Graphics communications»,

Настоящее издание бессмертных произведений Уильяма Шекспира является по своему уникальным в современной Российской литературе, так как было впервые предпринято дословный перевод автора. Этот титанический труд осуществил поэт – переводчик Николай Самойлов. Избавив Шекспира от литературных наслоений, нанесённых переводчиками двадцатого века, Самойлов показал читателям реальное и, как оказалось, весьма актуальное творчество мирового гения. Знакомьтесь с настоящим Шекспиром. Для широкого круга читателей.

Содержание

От переводчика	8
Сонеты	11
1. «От перла красоты потомство ждём...»	12
2. «Когда чело осадят сорок зим...»	14
3. «Глянь в зеркало, увидев отраженье...»	15
4. «Зачем свою красу – богатство рода...»	16
5. «То время, что ваяло облик твой...»	18
6. «Не позволяй зиме испортить лето...»	20
7. «Гляди, как благодатное светило...»	21
8. «Сам музыка – от музыки грустишь...»	22
9. «Боишься увлажнить глаза вдовы...»	23
10. «Стыдись! Не ври, что ты кого – то любишь...»	24
11. «Пока ты вянешь, расцветает сын...»	26
12. «Когда часы ведут учёт мгновеньям...»	27
13. «О, пусть бы ты себе принадлежал!...»	28
14. «На изученье звёзд ночей не трачу...»	29
15. «Всё то, что на земле произрастает...»	30
16. «Ну почему нет у тебя желанья...»	32
17. «В грядущем не поверят и странице...»	33
18. «Сравнить ли мне тебя с июньским днём?...»	34
19. «Обжора время, тигру зубы рви...»	35
20. «Ты с женским ликом создан был природой...»	36
21. «Я не из тех восторженных поэтов...»	37
22. «Стекло зеркал не убедит, что стар...»	38
23. «Как, оробев, плохой актёр немеет...»	39
24. «Мои глаза – художники умело...»	40
25. «Пусть те, кому созвездья дарят счастье...»	41
26. «Прекрасный властелин моей любви...»	42
27. «Устав в пути, спешу я лечь в постель...»	44
28. «Как состоянье счастья мне вернуть...»	45
29. «Когда, гонимый злобой и судьбой...»	46
30. «Когда на суд немых, заветных дум...»	48
31. «В твоей груди стучат сердца людей...»	49
32. «Быть может, ты тот день переживёшь...»	50
33. «Не раз я видел, как вершины гор...»	51
34. «Зачем ты мне прекрасный день сулил...»	52
35. «За старый грех тоской себя не мучай...»	53
36. «Позволь признать, что мы разделены...»	54
37. «Как рад старик – отец успехам сына...»	55
38. «Как может муза медлить хоть мгновенье...»	56
39. «О, как воспеть достоинства твои...»	57
40. «Возьми мои любви, все до одной...»	58
41. «В проступках своеволен по годам...»	60
42. «Не вся печаль, что обладаешь той...»	61
43. «Чем крепче жмурюсь, тем острее взгляд...»	62
44. «Будь мыслью – плоть, любые расстоянья...»	63

45. «Помогут лёгкий воздух и огонь...»	64
46. «Не вырваться из замкнутого круга...»	65
47. «Теперь у глаз и сердца снова лад...»	66
48. «Настало время отправляться в путь...»	67
49. «Когда к тебе прозренья час придёт...»	68
50. «Как тяжёлый путь, когда в его конце...»	69
51. «Я оправдал медлительность коня...»	70
52. «Я как богач, чей ключ благословлён...»	71
53. «Какою ты субстанцией рождён...»	72
54. «Нам кажется бесценной красота...»	73
55. «И мрамор, и тиранов саркофаги...»	74
56. «Любовь моя, возобнови свой пыл...»	75
57. «Что может раб? Прислуживать и ждать...»	76
58. «Бог, сделавший меня твоим рабом...»	77
59. «Коль всё старо, то новь – лишь повторенье...»	78
60. «Волна волну подталкивает в спину...»	79
61. «Твоей ли волей ночью образ твой...»	80
62. «Грех себялюбья – стал владыкой глаз...»	81
63. «Когда мой друг войдёт в мои года...»	82
64. «Безжалостна у Времени рука...»	83
65. «Раз бронзу, камень, твердь земли и море...»	84
66. «Устав, взываю к смерти: – Нет терпенья!»	85
67. «Зачем он должен жить среди пороков...»	86
68. «Он – образец для лиц минувших дней...»	87
69. «Твой внешний облик восхищает мир...»	88
70. «Виня в грехах, навет даёт урок...»	89
71. «Когда умру, оплакивай меня...»	90
72. «Чтоб злобный мир не требовал отчёта...»	91
73. «Во мне ты видишь время года...»	92
74. «Не плачь, когда за мной придёт конвой...»	93
75. «Для мыслей ты – как пища для желудка...»	94
76. «Зачем свой стих лишаю украшений...»	95
77. «Как вянет юность зеркало покажет...»	96
78. «Я часто призывал тебя как музу...»	97
79. «Пока я о тебе писал один...»	98
80. «Когда о друге я пишу...»	99
81. «Коль доживу, приду похоронить...»	100
82. «С моею Музой браком ты не связан...»	101
83. «Я видел, что хорош ты, как и раньше...»	102
84. «Кто скажет миру лучше и точнее...»	103
85. «Язык мой связан, муза онемела...»	104
86. «Его ли гордый парус из стихов...»	105
87. «Прощай, ты слишком награждён природой...»	106
88. «Когда меня унизишь без причин...»	107
89. «Скажи, что я дал повод изменять...»	108
90. «Возненавидь, коль хочешь, но сейчас...»	109
91. «Кто горд своим родством, кто мастерством...»	110
92. «Решишь на худшее и укради себя...»	111
93. «Живу, надеждой: ты не изменил...»	112

94. «Кто полон сил, но не наносят ран...»	113
95. «Ты лакируешь грязные дела...»	114
96. «Одни тебя винят за то, что юн...»	115
97. «Зимою показалась мне разлука...»	116
98. «Когда весной я был с тобой в разлуке...»	117
99. «Бранил фиалку: «Милая воровка...»	118
100. «Где пропадаешь, ветренная муза...»	119
101. «Лентяйка, муза, чем ты объяснишь...»	121
102. «Спокоен внешне, а в груди пожар...»	122
103. «Убожество рождает моя Муза...»	123
104. «Ты, милый друг, – чудесный дар для глаз...»	124
105. «Зря говорят: Язычник – несомненно!..»	125
106. «Листая фолианты древних книг...»	126
107. «Ни страхи сердца, ни душа пророка...»	127
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Уильям Шекспир
Сонеты. Гамлет
Перевод Николая Самойлова

W Shakespeare

От переводчика

Самый частый вопрос, который мне задают в последние пять лет: «Зачем ты тратишь время на переводы сонетов Шекспира, ведь есть прекрасный перевод Маршака, есть и другие, сделанные до и после него?». Он может возникнуть и у читателя этой книги. Отвечаю. Во первых, совершенству нет предела. Во вторых, со временем, меняются язык и взгляды на то, как нужно делать переводы. В третьих, мне захотелось попробовать свои силы в трудном и увлекательном деле перевода. Вот, что писал об искусстве перевода в письме Чуковскому Маршак: «Я то и дело получаю письма с просьбой разъяснить всякого рода невеждам, что это искусство, и очень трудное и сложное искусство. Сколько стихотворцев, праздных и ленивых, едва владеющих стихом и словом, носят звание поэта, а мастеров и подвижников перевода считают недостойными даже состоять в Союзе писателей. А я на своём личном опыте вижу, что из всех жанров, в которых я работаю, перевод стихов, пожалуй самый трудный... К сожалению, до сих пор ещё Гейне, Мицкевич, Байрон и другие большие поэты продолжают у нас выходить в ремесленных переводах...»

Французский поэт и теоретик литературы Никола Буало писал: «Сонет без промахов поэмы стоит длинной». Сегодня миллионы людей, хорошо знающих английский язык, способны сделать хороший подстрочник, художественный перевод в стихах единицы. Переводы достойные великого оригинала за сто лет можно по пальцам перечесть. Так жизнь подтверждает слова Маршака. Стремясь точнее перевести Шекспира, я за постулаты при работе принял девять заповедей Николая Гумилёва.

Переводчик поэта должен быть сам поэтом, а, кроме того, внимательным исследователем и проникновенным критиком, который выбирая наиболее характерное для каждого автора, позволяет себе, в случае необходимости жертвовать остальным. Переводчик должен забыть свою личность, думая только о личности автора. Он должен обязательно соблюдать: число строк; метр и размер; чередование рифм; характер словаря; тип сравнений; бережно относиться к эпитетам, метафорам...

Поэтому я во всём следовал оригиналу. У меня, как и в оригинале, сонеты с 1-го по 126-й обращены к другу, 127–154 к возлюбленной – «Смуглой леди сонетов». 40–42 и 133–134 переплетаются между собой. Они рассказывают о смятении поэта, узнавшего о том, что любимая изменила ему с другом. Какая гамма чувств! Но горечь, обида, отчаяние героя не могут убить нежности к обоим. В 42 сонете Шекспир говорит другу:

Не вся печаль, что обладаешь той,
Которая в моей груди царила;
Больнее то, что, овладев тобой,
Она в тебе любовь ко мне убила.

В 133 обращается к возлюбленной:

Будь проклята, жестокая душа!
Мучения двоих – твоя заслуга,
От ран любви живу едва дыша
Зачем в рабы взяла ещё и друга?

Сердце поэта разрывается от любви и боли. Он пытается в 134 сонете разобраться, кто из двоих ему дороже?

В оковах друг! Готов принять решение
И самого себя лишит всех прав.
Освободи его, мне в утешенье,
На мне, а не на нём срывавай свой нрав.

Цикл сонетов – своеобразный дневник поэта, в котором он без утайки говорит о своих самых заветных чувствах.

Вечная тема любви переплетается с темой дружбы. Мы видим все оттенки этих чувств: восторг, благоговение, ревность, обида, отчаяние. Читая сонеты, вы вспомните своё детство, когда друзья были важнее девчонок. Потом, когда стали волновать девушки, ореол дружбы потускнел, но не померк совсем. Об этом и писал Шекспир.

С гордостью могу сказать, что я единственный, кто за двести лет правильно перевёл восьмую строку 66 сонета:

And strength by limping sway disabled,
и силу, которую хроное правление сделало немощной,

Маршак и Пастернак перевели:

И мощь в плену у немощи беззубой,
И видеть мощь у немощи в плену

Это явно не то, что хотел сказать автор. Да и трудно представить мощь в плену у немощи. Ключевым для понимания смысла этой строки является – хроное (неумелое) правление. Поэтому я, сохраняя мысль Шекспира, перевёл:

Из силы, правя, немощь создают,

В последней редакции:

И мощь правитель в немощь превратил.

Так правили Горбачёв и Ельцин. 66 сонет о нас сегодняшних, хоть и написан 400 лет назад.

За перевод «Гамлета» я взялся, прочитав статьи Корнея Чуковского о переводах пьес Шекспира. Он писал: «переводчица зачастую отсекает такие слова, без которых фраза становится непонятна, а порой и бессмысленна. Все эти культепки человеческой речи, лишённой живых интонаций, не имеют, конечно, ничего общего с поэзией Шекспира.

Он приводит примеры таких культепок:

«Уж стали ревновать!»

«Уж будто от любовницы! Уж память!»

«Но умереть должна – других обманет».

«Коль глупость с красотой, здесь дело тонко».

Мысль Шекспира приносится в жертву фетишу равнострочия». Я посмотрел другие переводы и убедился в правоте Чуковского. Ниже примеры из перевода «Гамлета» сделанного Лозинским:

«Священная и правая забота —
Обезопасить эту тьму людей,
Живущих и питающихся
Вашим Величеством».

Питающихся вашим величеством – тьму этих людоедов переводчик придумал.

«Наш сан не терпит, чтоб из-за угла
Всегда подстерегала нас случайность».

Подстерегают за углом, из-за угла нападают.

«Стою и сплю, взирая со стыдом,
Как смерть вот – вот поглотит двадцать тысяч,
Что ради прихоти и вздорной славы
Идут в могилу, как в постель, сражаться».

Тут сразу множество нелепостей: Стою и сплю, да ещё и взирая со стыдом! В могилу не ходят, в постель ложатся, и не затем, чтобы сражаться. Делая перевод, старался не повторять подобных ошибок. Судя по отзывам в интернете, мне это удалось. Большую помощь в работе мне оказал прозаический перевод трагедии, сделанный М. М. Морозовым и комментарии к нему. Выражаю благодарность всем, кто материально и морально помог мне в издании этой книги.

Николай Самойлов

Сонеты

1. «От перла красоты потомство ждём...»

Потомство ждём от перла красоты —
Так роза красоты не умирает;
Когда увянут зрелые цветы,
Наследники их облик сохраняют.

Но ты обвенчан взглядом ясных глаз,
Своею красотой любовь питаешь,
При избытии, себя за разом раз,
Как злейший враг, на голод обрекаешь.

Ты – украшение мира, эталон,
Красот весны единственный глашатай,
Свой милый облик, хороня в бутон,
Как скряга, расточаешь скудной платой.

Не будь обжорой, объедая мир,
С могилой, на двоих, устроив пир.

2. «Когда чело осадят сорок зим...»

Когда чело осадят сорок зим,
На поле красоты, воюя с плотью,
Наряд, в котором ты неотразим,
Износится, останутся лохмотья;

Тогда – то, если спросят, где сейчас
Вся красота весеннего наряда,
Не говори: «В глубинах впалых глаз».
Ответ сочтут бесстыдной бравадой.

Достойнее сказать: «Я жил не зря,
Вот оправданье старости – ребёнок.
Старался я, в нём копию творя,
Поэтому он мой портрет с пелёнок.

Я, постарев, как будто молод вновь,
Остыв во мне, пылает в сыне кровь».

3. «Глянь в зеркало, увидев отраженье...»

Глянь в зеркало, увидев отраженье,
Скажи: «Пора живой портрет создать».
Обманешь мир, не выполнив решенье,
У девушки отнимешь благодать.

Ведь, где же та, которая не рада
Дать девственное лоно распахать?
А может, быть любовь к себе – преграда,
Она велит бездетным умирать?

Для рода стать гробницей – вероломство,
Ты – зеркало для матери своей,
Она – в тебе, а ты – в своём потомстве
Вернёшь себе апрель минувших дней.

Но, если ты решил прервать свой род,
Живи один, и образ твой умрёт.

4. «Зачем свою красу – богатство рода...»

Зачем свою красу – богатство рода
Транжиришь на себя, прелестный мот?
Она не дар, расщедрившись, природа
Её с возвратом щедрому даёт.

Прекрасный скряга, почему ты ссуду
Не поспешишь хозяину вернуть?

Без счёта тратя, задолжал повсюду,
Забыв, что в каждой сделке – прибыль суть.

Хитришь, ведёшь дела с самим собою,
Живя обманом, ты уже банкрот,
Когда судьба отправит смерть с косою,
Где ты возьмёшь приемлемый отчёт?

Делись с детьми своею красотой,
Пока не похоронена с тобой.

5. «То время, что ваяло облик твой...»

То время, что ваяло облик твой,
Таким, что останавливает взгляды,
Расправится с твоею красотой,
Как злой тиран, не знающий пощады;

Неутомимый времени поток

Ведёт к зиме, на смерть от стужи, лето:
Сорвав листву и заморозив сок,
Сады и землю красит белым цветом.

Лишь тот, кто сможет розы аромат
Пленить и заточить в сосуд весною,
Храня в духах, усиленным стократ,
Спасёт от полной гибели зимою.

Теряя плоть, замёрзшие цветы
В духах оставят сущность красоты.

6. «Не позволяй зиме испортить лето...»

Не дай зиме в тебе испортить лето,
Залей в сосуды жизнь дарящий сок;
Свой облик передай, как эстафету,
Пока не умер красоты цветок.

Так, в рост давая, ты не губишь душу,
Дающий в долг счастливее, чем мот;
Своим потомством, заселяя сушу,
Он прибыль десять к одному берёт.

Кто десять сыновей по десять внуков
Уговорит при жизни подарить,
Тот счастлив будет, смерть опустит руки,
Увидев, что весь род не истребить.

Смири свой нрав, твой облик – совершенство,
Не оставляй его червям в наследство.

7. «Гляди, как благодатное светило...»

Гляди, как благодатное светило
Встаёт, пылая гордой головой,
Почёт людей величием заслужило
И повело их взгляды за собой;

Когда на холм небес взошло неспешно,
Как крепкий человек в расцвете дней,
С земли им любовались взгляды грешных,
Но преданных по – прежнему людей;

Пройдя зенит, оно на колеснице,
Как старость, потащилось на закат,
Людей, недавно, преданные лица,
Прочь отвернулись, в сторону глядят.

Не заведёшь в свой полдень себе сына —
Один, как солнце, встретишь час кончины.

8. «Сам музыка – от музыки грустишь...»

Сам музыка – от музыки грустишь?
Приятное – приятному отрада,
Зачем же любишь то, за что коришь,
И рад принять, несущее досаду?

Быть может, оскорбляет струн упрёк,
Пропетый ими слаженно и дружно:
«Напрасно не хотел жениться в срок —
Один ты будешь никому ненужным».

Смотри, как струны дружат меж собой —
Так мать с отцом поют, лаская сына,
Им нравится, и жить, и петь – семьёй,
Единство – светлой радости причина.

Не разделить трёх стройных голосов:
«Один – ничто!» – поют они без слов.

9. «Боишься увлажнить глаза вдовы...»

Боишься увлажнить глаза вдовы,
Поэтому живёшь ты одиноко?
О! Оправданья эти не новы,
Бездетностью накажешь мир жестоко.

Он будет вечно скорбною вдовой,
Ему твой образ возрождённым нужен,
Поверь, вдова простится со слезой,
Утешится, увидев, в сыне мужа.

Когда богатство предков тратит мот,
Оно живёт, попав в другие руки,
Кто детям красоту не раздаёт
Тот её смертью множит миру муки.

Не полюбив ни женщин, ни детей
Свой облик убивает, как злодей.

10. «Стыдись! Не ври, что ты кого – то любишь...»

Стыдись! Не ври, что ты кого – то любишь,
К себе ты неразумен, словно мот;
Любовью окружённый, ты погубишь
Своей безумной ненавистью род.

Так одержим убийственной страстью,

Что строишь козни самому себе.
Храни свой дом – залог любви и счастья,
О нём забота – главное в судьбе.

О, изменись, чтоб поменял я мнение!
Неужто, ненависть важнее, чем любовь?
Будь милостивым, добрым и влеченью
Продолжить в детях род не прекословь.

Уважь меня: живи на белом свете
Так, чтобы красота досталась детям.

11. «Пока ты вянешь, расцветает сын...»

Пока ты вянешь, расцветает сын,
В нём часть твоя становится сильнее,
А кровь бурлит, как водопад с вершин,
Ты вправе называть её своею.

В отцовстве мудрость, красота и рост,
Безбрачие – мороз и запустенье.
Будь все, как ты – ушли бы на погост
Все люди мира за три поколенья.

Пусть те, кого природа создала
Уродами – погибнут от бесплодия,
Тебе она обильный дар дала —
Делись с детьми и заселяй уголья.

Природою ты создан, как печать,
Чтобы, как оттиск облик повторять.

12. «Когда часы ведут учёт мгновеньям...»

Когда часы ведут учёт мгновеньям,
Прекрасный день ночь гасит темнотой,
Фиалка отцветает, а старенье
В кудрях всё гуще блещет сединой,

С деревьев листья падают под ноги,
Они стада спасали в летний зной,
Дары полей на дрогах по дороге,
Везут в снопах с колючей бородой.

Тогда грущу, о друге вспоминая,
В урочный час покинет белый свет,
Нас Время не щадит, серпом срезая,
Готовит место для идущих вслед.

Вступить с ним в спор сумеют лишь потомки,
Когда тебя смерть заберёт в потёмки.

13. «О, пусть бы ты себе принадлежал!...»

О, пусть бы ты себе принадлежал!
Владеть собой позволено живому,
Спеши, пока от жизни не устал,
Свой милый облик передать другому

Чтоб люди наслаждались красотой,
Её в аренду взяв, не будь беспечным —
Пусть после смерти милый облик твой
Твои потомки воплощают вечно.

Кто пустит холод в свой прекрасный дом,
Даст смерти привести его в упадок,
Позволит разорить, пустить на слом,
Когда есть силы наводить в порядок?

Один лишь мот! С отцом вы очень схожи,
Пускай и сын твой это скажет то же.

14. «На изученье звёзд ночей не трачу...»

На изученье звёзд ночей не трачу,
Но всё же с астрономией знаком.
Не так, чтобы предсказывать удачу,
Чуму и голод чувствовать нутром;

На каждый миг не в силах дать совета,
Не укажу на дождь и град в судьбе,
Разглядывая звёзды и планеты,
Дела царей не предскажу тебе.

Иная для пророчеств есть причина —
Твои глаза сумели убедить,
Что будет правда с красотой едина,
Когда начнёт твой облик в сыне жить.

А если ты захочешь жить иначе —
О красоте и правде мир заплачет.

15. «Всё то, что на земле произрастает...»

Всё то, что на земле произрастает,
Бывает совершенным только миг;
На сцене мира звёзды управляют
Спектаклем, непонятным для других;

Растенья и людей роднит порядок:
Рост каждого зависит от небес,
В зените начинается упадок,

Забвением кончается регресс.

Итог раздумий – грусть от пониманья:
Мой друг сегодня юностью богат,
Но время, ускоряя увяданье,
Стремится полдень превратить в закат.

Люблю тебя, прийти на помощь рад,
Что время заберёт – верну назад.

16. «Ну почему нет у тебя желанья...»

Ну почему нет у тебя желанья Тирана —
Время усмирить войной
И защитить себя от увяданья
Надёжнее, чем стих бесплодный мой?

Сейчас живёшь ты на вершине счастья,
Глянь, как просторно в девственных садах,
Они готовы за твоё участие
Твой облик повторить в живых цветах.

Жизнь, этим, обновив его умело,
Точнее чем перо и твой портрет
Покажет людям как душой и телом,
Ты был красив в расцвете юных лет.

Отдав себя, ты сохранишь в другом
Себя любовным, милым мастерством.

17. «В грядущем не поверят и странице...»

В грядущем не поверят и странице,
Где похвалой тебе наполнен стих,
Хоть видит небо, что они гробница
Для половины доблестей твоих.

А если мне поможет вдохновенье
Правдиво описать в стихах портрет,
Потомок закричит от возмущенья:
«Таких красавцев не было, и нет!»

Листая пожелтевшие страницы,
Презрительно он скажет: «Автор лжёт,
Описывая ангельские лица,
Болтун мечты за правду выдаёт».

Что я правдив, своею красотой
Поможет доказать ребёнок твой.

18. «Сравнить ли мне тебя с июньским днём?...»

Сравнить ли мне тебя с июньским днём?
Ты краше и умеренней при этом:
Май бурей расправляется с цветком,
На очень краткий срок даётся лето;

Порою слишком жжёт небесный глаз,
Но чаще скромно прячется за тучей,
Прекрасное – прекрасно только час,
Капризен и силен в природе случай;

Твоя краса принадлежит векам,
Её не портят ни зима, ни лето,
Таскаясь чёрной тенью по пятам,
Не может смерть убить мои сонеты.

Покуда люди дышат и читают,
Они тебя забыть не позволяют.

19. «Обжора время, тигру зубы рви...»

Обжора – Время, тигру зубы рви,
Тупи льву когти, убавляя силы;
Плоть Феникса сожги в его крови,
Земле верни всё то, что породила;

Твори в полёте и декабрь, и май;
Что хочешь делай, быстрое мгновенье,
Красоты мира старь и разрушай,
Одно лишь запрещаю преступленье:

Не тронь пером чело моей любви,
От злобы дней огороди барьером,
Старение навек останови,
Пусть будет для потомков он примером.

А, впрочем, навреди, как и другим,
В моих стихах жить будет молодым.

20. «Ты с женским ликом создан был природой...»

Ты с женским ликом создан был природой,
Душой и господин, и госпожа;
Нежнее женщин сердцем, но отроду
Живёшь, лишь постоянством дорожа;

Глаза чисты, в них нет игры обмана,
Любой предмет под взглядом – золотой;
А стать твоя и для мужчин желанна,
И женщин поражает красотой.

Тебя творила женщиной природа,
Но, полюбив, мужчиной создала;
Добавив то, что мне не нужно сроду,
Тем у меня навеки отняла.

Прошу её: Дай мне без вероломства
Его любовь, а женщинам – потомство.

21. «Я не из тех восторженных поэтов...»

Я не из тех, чью музу вдохновляет
Писать стихи фальшивая краса,
Кто прелести любимых прославляет,
Используя в сравненьях небеса.

Не позабыв чудес земли и моря,
Соврёт и про весенние цветы,
Расхваставшись, в безудержном задоре,
Причислит к редким перлам красоты.

Позвольте мне быть искренним поэтом;
Мой юный друг, признаюсь не шутя,
Не так блеснит, как звёзды, но при этом
Прекрасен, как для матери дитя:

Но я не буду цену набивать
Тому, чем не намерен торговать.

22. «Стекло зеркал не убедит, что стар...»

Стекло зеркал не убедит, что стар,
Пока ты будешь юности ровесник,
Когда тебя лишат морщины чар,
Тогда придёт ко мне о смерти вестник.

Твоя краса для сердца, как наряд,
Оно – в тебе, твоё – во мне на марше,
Сердца, считая время в такт стучат,
Так как же я могу тебя быть старше?

Поэтому побереги себя:
Сердца у нас с тобой неразделимы,
Твоё в груди ношу я для тебя,
Как нянька, берегу неутомимо.

Но не надейся получить назад,
Когда моё убьёт смертельный яд.

23. «Как, оробев, плохой актёр немеет...»

Как, оробев, молчит плохой актёр,
Забыв слова давно знакомой роли,
Как вспыльчивый, дав ярости простор,
Себя доводит до сердечной боли;

Так я, робея, клятвы позабыл,
Нарушив тем влюблённых ритуалы,
И кажется любовь теряет пыл,
Подавленная бременем накала.

О пусть заменит красноречье – взгляд,
Пусть сердце говорит с тобой глазами,
Раз о любви взыскующей наград
Сказали больше, чем язык словами.

Учись читать в глазах, ведь у любви
Уменье взглядом говорить в крови.

24. «Мои глаза – художники умело...»

Мои глаза – художники умело
Запечатлели в сердце твой портрет;
Ему живою рамой служит тело,
Для красоты надёжней места нет,

Ведь взгляды глаз учли и перспективу,
В груди располагая образ твой,
Ты помещенье осветил на диво,
Стекля глазами окна в мастерской.

Теперь у глаз взаимные услуги:
Мои – изобразили твой портрет,
Но и твои заботились о друге,
Мне в грудь, как окна, запуская свет.

Жаль, что, рисуя копию с лица,
Глаза не могут постигать сердца.

25. «Пусть те, кому созвездья дарят счастье...»

Пусть те, кому созвездья дарят счастье,
Имеют деньги, титул и почёт.
Моя Фортуна путь закрыла к власти,
Безвестный рад тому, что жизнь даёт.

При ласке государя фавориты,
Как ноготки, под солнышком цветут,
Нахмурится – и вянет радость свиты,
Блаженство длится несколько минут.

Усердный воин, баловень удачи,
Разбитый, после тысячи побед,
От бывшей славы не получит сдачу, —
Все подвиги забудет тут же свет.

Тобой любимый, рад тебя любить —
Никто не может нас любви лишить.

26. «Прекрасный властелин моей любви...»

Прекрасный властелин моей любви,
Я твой вассал, до гроба верный данник,
К письму – посольству милость прояви,
В нём лишь почтенье, острый ум изгнанник.

Он не сумел найти достойных слов,

Посольство встанет голым пред тобою,
За это не гони моих послов,
Согрей в душе свою добротой.

Быть может, путеводная звезда
Проявит милость, выполнит желанья,
Любовь нарядит, докажу тогда,
Что я достоин твоего вниманья.

Осмелившись, любовью похвалюсь,
А до того к тебе не появлюсь.

27. «Устав в пути, спешу я лечь в постель...»

Устав в пути, спешу я лечь в постель,
Сулящую желанный отдых телу,
Коснусь подушки – мысли, как метель,
Мозг утомляя, приступают к делу

Мечты и думы трогаются в путь,
Летят к тебе, пронзая дали ночи,
Мешая и на миг глаза сомкнуть,
Как два слепца на тьму взирают очи.

Воображение спешит глазам помочь,
Незрячий взор твой призрак видит ясно,
Как бриллиант, он озаряет ночь,
Тьму, делая и юной, и прекрасной.

Так ноги днём, а мысль ночной порою,
Стремясь к тебе, мне не дают покоя.

28. «Как состоянье счастья мне вернуть...»

Как состоянье счастья мне вернуть,
Ведь благодати отдыха не знаю:
От тягот дня стараясь отдохнуть,
Себя сильнее ночью утомляю?

Хоть день и ночь – враги между собой,
Меня пытая, пожимают руки:
День валит с ног дорожной суетой,
А ночь мешает спать тоской разлуки.

Чтоб угодить, твержу в ненастье: День,
Мой друг сегодня солнце заменяет,
Когда созвездья тучи прячут в тень,
Он вместо них тьму ночи украшает.

Но дни в ответ мои печали множат,
А ночь тоскою всё усердней гложет.

29. «Когда, гонимый злобой и судьбой...»

Когда, гонимый злобой и судьбой,
Отверженный и одинокий, плачу,
Тревожа небо жалобой – мольбой,
Напрасно на проклятья силы трачу,

Мечтаю уподобиться всем тем
Чьи доблести людское хвалит мненье,

Завидуя я злюсь, не пью, не ем,
Чем вызываю сам к себе презренье.

Раскаявшись, вдруг, вспомнив о тебе,
Перестаю завидовать и злиться,
Моя душа назло лихой судьбе,
Как птица, в небо с песнею стремится.

Тогда я, мыслью о любви твоей,
Счастливей и богаче королей.

30. «Когда на суд немых, заветных дум...»

Когда на суд немых, заветных дум
Вспоминанья вызываю снова, —
Горюет о несбывшемся мой ум
И судит за растрату лет сурово,

Тогда глаза, не ведавшие слёз,
Бывают вновь затоплены слезами:
От мук любви стенаю я всерьёз,
Бесценны те, кто были мне друзьями;

Горюя из-за прожитых обид,
Болею тяжко, как болел когда – то,
Печальный счёт страданий не закрыт,
За каждый грех удваиваю плату

Но стоит мне подумать о тебе,
Как снова благодарен я судьбе.

31. «В твоей груди стучат сердца людей...»

В твоей груди стучат сердца людей,
Которых не считал уже живыми;
Там царствует теперь любовь друзей,
Лежащих под камнями гробовыми.

Как много горьких, погребальных слёз
Любовь из глаз похитила напрасно,
Я горевал над мёртвыми всерьёз,
Теперь в тебе их лица вижу ясно!

Ты, словно склеп, вмещаешь всю любовь
Моих подруг, и ветреных, и строгих,
Взяв их права, ты собираешь вновь
Те чувства, что растратил я на многих.

В тебе все те, кого любил в былом,
Ты – с ними – мной владеешь целиком.

32. «Быть может, ты тот день переживёшь...»

Быть может, ты тот день переживёшь,
Когда в могилу Смерть зароет кости.
Надеюсь, что найдёшь и перечтёшь
Мои стихи, горя на погосте.

Сравнив их со стихами молодых,
Найдя в моих трудах несовершенство,
Ты всё же сохрани в архиве их —
В честь нами пережитого блаженства.

Одной лишь мысли удостой меня:
«Будь, друг, живым – не вышло бы конфуза,
Сегодня, друга за талант ценя,
Держала бы своим любимцем Муза.

Но умер он, взошла другая новь,
Я чту их стиль, а в нём – его любовь».

33. «Не раз я видел, как вершины гор...»

Не раз я видел, как вершины гор
Прекрасным утром чествует светило,
Как на луга, державный бросив взор,
Алхимией потоки золотило.

Уроды – тучи набегали вдруг,
Себя унижить солнце позволяло,
Богopodobный лик за тучей тух,
Невидимым на запад уползало.

Земное солнце блеском дивных глаз
Мой лоб однажды утром озарило.
Увы, оно светило мне лишь час,
Потом от глаз разлука – туча скрыла.

И всё ж любовь его не презирает —
Без пятен даже солнце не бывает.

34. «Зачем ты мне прекрасный день сулил...»

Зачем ты мне прекрасный день сулил,
Шёл без плаща, беспечный как повеса,
Настигли злые тучи, дождь полил,
Нас разделив, уродливой завесой?

Не похвалю за то, что сквозь туман
Придёшь согреть и ласкою, и лестью.
Ты, как бальзам, спасёшь меня от ран,
Но исцелить не сможешь от бесчестья.

От горя не поможет мне твой стыд,
Убытки не покроют сожаленья,
Когда несёшь тяжёлый крест обид,
Сочувствие плохое утешенье.

Но слёзы, что пролил из состраданья,
Заставили забыть твои деянья.

35. «За старый грех тоской себя не мучай...»

За старый грех тоской себя не мучай:
У роз шипы, в источнике песок,
И солнце, и луну пятнают тучи,
В бутон забрался гадкий червячок.

Никто не свят, и я в сонетах грешен —
Твоим делам законность придавал,
Оправдывал: Мой друг в словах поспешен,
И грех твой над другими возвышал.

Разумность придавал твоим проступкам,
Как адвокат оправдывал вину,
Себя судил, тебе шёл на уступки,
Любовь и ненависть ведут во мне войну.

Выходит, я невольно помогал,
Тому, кто у меня безбожно крал.

36. «Позволь признать, что мы разделены...»

Позволь признать, что мы разделены,
Хотя в любви по-прежнему едины,
На мне одном бесчестье от вины,
Тебя пятнать позором нет причины.

В любви у нас привязанность одна,
А зло своё у каждого с рожденья,
Любовь не тронет слишком уж сильна,
Но украдёт часы у наслажденья.

Чтоб на тебя не навлекать позор,
Не покажу, что мы знакомы лично;
Чтоб честь твою не задевал укор,
И ты не признавай меня публично.

Храни себя, ты всё, что в жизни есть;
Мне дороги и жизнь твоя, и честь.

37. «Как рад старик – отец успехам сына...»

Как рад старик – отец успехам сына,
Вершащего деянья юных дней,
Так, раненый Фортуной без причины,
Себя утешу верностью твоей.

Ведь красоту, богатство, ум и славу,
Вдобавок ко всему и знатный род
Тебе судьбой дарованы по праву,
Мою любовь прибавь к числу щедрот.

Забуду всё: и бедность, и презренье,
Увидев, как ты счастлив и богат,
От этих благ довольствуясь лишь тенью,
Жить частью твоей славы буду рад.

Я буду счастлив, находить в тебе
Всё лучшее, что есть в людской судьбе.

38. «Как может муза медлить хоть мгновенье...»

Как может Муза медлить хоть мгновенье,
Когда мои стихи полны тобой?
Ты так красив, что чувство восхищенья
Не выразит бумаги лист простой.

Благодари себя, когда в сонете
Найдёшь на чём остановить свой глаз,
Ну, кто так глуп, чтобы не стать поэтом,
Когда его возносишь на Парнас?

Так стань же музой в десять раз сильнее,
Чем были раньше девять остальных,
Пусть каждый, кто возьмётся, пламенея,
Создаст великий и бессмертный стих.

А если мой сонет заслужит славу,
Отдай мне труд, хвала твоя по праву.

39. «О, как воспеть достоинства твои...»

О, как воспеть достоинства твои,
Когда во мне ты – лучшая частица?
Хвалы тебе, и мне хвалы мои,
Как похвалив тебя не возгордиться?

Для этого придётся врозь пожить,
Пускай отъезд любви уменьшит славу,
Зато смогу достойнее хвалить,
Воздам почёт, заслуженный по праву.

Разлука, ты бы пыткой была,
Когда б в часы тоскливого досуга
Мне сладостной свободы не дала
Всё время посвящать мечтам о друге.

Я раздвоенно уменьшаю срок,
Хваля того, кто от меня далёк.

40. «Возьми мои любви, все до одной...»

Возьми мои любви, все до одной,
Забрав все страсти, станешь ли богаче?
Ту, что назвал ты истинной, друг мой,
Теперь твоя, другие все, тем паче.

Коль взял любовь, нарушив дружбы лад,
За то, что я люблю – не упрекаю,
Вот если обманулся – виноват
Своим капризным вкусам потакая.

Прощаю твой грабёж, мой милый вор,
Хоть ты присвоил то, чем я владею,
Но все удары ненависти – вздор,
Любовь нас бьёт и злее, и больнее.

В тебе и зло мне кажется добром,
Убей обидой, но не будь врагом.

41. «В проступках своеволен по годам...»

В проступках своеволен по годам.
Когда меня вблизи и в сердце нету
Соблазны за тобою по пятам
И днём, и ночью следуют по свету

Ты юн и добр – уступчивость в крови,
Поэтому тебя и осаждают;
Когда захочет женщина любви,
Кто отказать ей в ласках пожелает?

И ты, мой друг, соблазн не победил,
Беспутна юность в жажде наслаждений,
Ты, буйствуя, две верности разбил,
Когда вершил захват моих владений:

Её – толкнув к измене красотой,
Свою – нарушив дружбы долг святой.

42. «Не вся печаль, что обладаешь той...»

Не вся печаль, что обладаешь той,
Которая в моей груди царила;
Больнее то, что, овладев тобой,
Она в тебе любовь ко мне убила.

Прощая грех, могу вас оправдать:
Ты любишь, зная, что люблю подругу,
Она ещё желанней хочет стать —
Любовью, доставляя радость другу.

Они владельцы двух моих потерь:
Любимый друг в объятиях любимой,
Любимая владеет им теперь,
Один несущу, крест боли нестерпимой.

Могу себя утешить лишь одним:
Мы с ним – одно, выходит, я – любим.

43. «Чем крепче жмурюсь, тем острее взгляд...»

Чем крепче жмурюсь, тем острее взгляд,
Мои глаза днём ничему не рады,
Когда усну, закрытые глядят
Во тьме тебя, отыскивая взглядом.

Но если тень для них светлее дня,
То образ твой соперников не знает,
При свете солнца ослепишь меня,
Раз сновиденье так во тьме сияет!

Какое счастье было бы для глаз
Тебя увидеть ясным днём воочью,
Коль с наслажденьем в снах, за часом – час,
Разглядывают зыбкий образ ночью.

Пока мы врозь, мне дни темней ночей,
Во сне увижу – ночи дня светлей.

44. «Будь мыслью – плоть, любые расстоянья...»

Будь мыслью – плоть, любые расстоянья
Одoleвал бы с лёгкостью мечты,
Пронзал пространства, движимый желаньем
Попасть туда, где пребываешь ты.

Мне было б всё равно, какие дали
Нас разделяют в этот миг с тобой,
Ни суша, ни моря б не удержали
Меня от встречи с радостной судьбой.

Увы, к несчастью, плоть моя бескрыла,
Земля с водою составляют суть,
На жалобы и стон давая силы,
Мешают покорить мгновенно путь.

Медлительные, ничего не дали,
Мне, кроме тяжких слёз моей печали.

45. «Помогут лёгкий воздух и огонь...»

Помогут лёгкий воздух и огонь —
Другие элементы мироздания,
Здесь первый – мысль, она резвей, чем конь,
Второй – неуловимое желанье.

Когда они отправятся к тебе
Посланцами моей любви и веры,
Два остальных живут со мной в борьбе,
Замучив меланхолией сверх меры.

Уныние продлится до тех пор,
Пока послы не принесут ответа:
«Твои тревоги обо мне, друг, вздор —
Я жив, здоров и шлю тебе приветы».

Их, выслушав, вначале буду рад,
Потом, грустя, пошлю к тебе, назад.

46. «Не вырваться из замкнутого круга...»

Не вырваться из замкнутого круга,
У глаз и сердца затянулся спор:
Глаза лишают сердце прав на друга,
А сердце этих прав лишает взор.

Оно твердит, что недоступно взору,
Глаза от сердца прячут образ твой,
Тогда, решив закончить их раздоры,
Мозг взялся в деле выступить судьёй.

Жури из мыслей, проявило волю,
И вынесло, всё взвесив, приговор:
Мы выделяем каждому по доле
И этим прекращаем глупый спор.

С тех пор у глаз и сердца снова лад:
Любовь чтит сердце, внешность ценит взгляд.

47. «Теперь у глаз и сердца снова лад...»

Теперь у глаз и сердца снова лад,
Услугами друг другу помогают,
Когда глаза от голода грустят
И сердце от тоски изнемогает.

Глаза пируют, глядя на портрет,
И сердце насыщаться приглашают,
Но и глазам отказа тоже нет,
Когда сердечко о тебе мечтает.

Благодаря портрету и мечтам
Ты, находясь вдали, всегда со мною.
Куда бы ни уехал – мысли там,
Я – с мыслями, а значит, и с тобою.

А мысли спят – ты снишься вновь глазам,
Взгляд делит радость с сердцем пополам.

48. «Настало время отправляться в путь...»

Настало время отправляться в путь,
Я спрятал безделушки под замок,
Теперь к ним рук не сможет протянуть,
Тайком пробравшись в дом, нечестный вор.

Все бриллианты пред тобою – хлам,
Был утешеньем, а теперь печаль:
Мне страшно доверять тебя замкам,
И оставлять добычей вора жаль.

Придётся запереть в моей груди,
Где вечно ты, хотя тебя там нет,
Открыты двери, можешь и войти,
А можешь и уйти в любой момент.

Но даже здесь для вора ты – магнит,
Такой трофеей и честность соблазнит.

49. «Когда к тебе прозренья час придёт...»

Когда к тебе придёт прозренья час,
Ты разглядишь души моей изъяны,
Любовь её увидев без прикрас,
Начнёт менять свои мечты и планы;

Решив, что время подвести черту,
Пройдёшь без слов, едва коснувшись взглядом,
И встанешь отчуждённо за версту,
Не пожелав стоять со мною рядом,

Пойму твою холодность и решусь
Сказать себе, что наказанья стою,
Вверх руку подниму и поклянусь,
Что и закон, и правда, за тобою.

Имеешь право уходить виня,
За то, что нет причин любить меня.

50. «Как тяжек путь, когда в его конце...»

Как тяжек путь, когда в его конце
Не праздный отдых с долгожданным другом,
А грустная улыбка на лице
От мысли: мы всё дальше друг от друга.

Конь, чувствуя её, едва бежит,
Устав нести меня и моё горе,
Умножить расстояние не спешит,
Поэтому не хочет бег ускорить.

Не помогают и удары шпор,
Когда, сердясь, коню в бока вонзаю,
Он тихо стонет, слушая укор,
Я сам сильнее лошади страдаю.

Прошу её: за шпоры не суди,
Ведь радость – сзади, горе – впереди.

51. «Я оправдал медлительность коня...»

Я оправдал медлительность коня,
Не испытал за лень к нему вражды:
Друг с каждым шагом дальше от меня,
До возвращенья в спешке нет нужды.

Но как себя он сможет оправдать,
Когда и скорость для меня замрёт?
Готов я буду ветру шпоры дать,
Чтоб он летел ещё быстрее вперёд.

Мысль не догонит самый лучший конь,
Не может плоть желание догнать.
Стремясь к тебе, быстрее, чем огонь,
Любовь коня поможет оправдать:

Бежал от друга, замедляя рысь,
Я мчусь к нему, а ты не торопись.

52. «Я как богач, чей ключ благословлён...»

Я как богач, чей ключ благословлён
Открыть пути к сокровищам редчайшим,
На встречу с ними редко ходит он,
Чтоб миг свиданья был всегда сладчайшим.

Торжественные праздники в ряду
Суровых будней всюду исключенье,
Они редки и смотрятся в году,
Как крупные брильянты в украшеньё.

Вот так и время прячет от меня
Тебя, как платье, в чёрный шкаф разлуки,
Поэтому я рад сиянью дня,
Который утром прекращает муки.

Ты даришь мне и праздники свиданий,
И будни бесконечных ожиданий.

53. «Какою ты субстанцией рождён...»

Какою ты субстанцией рождён,
Единственный, помимо личной тени,
Имеешь в услуженье миллион
Теней живых и мёртвых поколений?

Взгляни на бюст Адониса, ты – он,
С тебя, его лепил творец великий,
Красой Елены древний мир сражён,
Но и она – ты в греческой тунике.

Везде, вглядевшись, вижу я тебя:
В весне ты поражаешь красотой,
И в урожае узнаю, любя —
Лишь, он сравнится щедростью с тобою.

Во всякой красоте твоя есть часть,
Ты постоянству не даёшь пропасть.

54. «Нам кажется бесценной красота...»

Нам кажется бесценной красота,
В которой добродетель процветает,
У розы соблазнительней уста,
Когда над ними аромат витает.

Шиповник привлекателен на вид,
Шипы остры, цветы растут не реже,
Не уступает розам колорит,
Казалось бы, достоинства всё те же.

Однако же они обделены
Вниманием, без славы умирают,
А сладостные розы тем ценны,
Что запах даже смерть не убивает.

Их аромат настой духов хранит,
Как мой сонет в строке твой юный вид.

55. «И мрамор, и тиранов саркофаги...»

И мрамор, и тиранов саркофаги
Могучий стих легко переживёт,
Твой образ не померкнет на бумаге,
Когда с камней грязь надписи сотрёт.

Пускай война и бунт руины множат,
Пусть статуи вождей падут в борьбе, —
Меч Марса и пожар не уничтожат
В моих сонетах строчки о тебе.

Назло пожарам, смерти и раздорам
Они в веках твой образ пронесут,
Потомки будут славить облик хором,
Пока не остановит Божий суд.

Восстав из мёртвых в страшный день суда,
Узнаешь, что в стихах ты жил всегда.

56. «Любовь моя, возобнови свой пыл...»

Любовь моя, возобнови свой пыл,
Не дай сказать, что аппетит острее,
Объестся так, что белый свет не мил,
Назавтра встанет вдвое голоднее.

Такой же будь: сегодня насладись
До сытости, до нежеланья встречи,
Наутро вновь в объятия стремись,
Своей вчерашней вялости переча.

Часы разлуки проводи в тоске,
Как будто между нами океаны,
Когда ждешь встречи на морском песке,
Тогда они особенно желанны.

А можешь дни разлук считать зимой,
В морозный день желанней летний зной.

57. «Что может раб? Прислуживать и ждать...»

Что может раб? Прислуживать и ждать,
Когда отдать захочешь приказанье.
Не жалко время попусту терять,
Цель жизни – исполнять твои желанья.

Боюсь роптать на бесконечность мук,
Считая дни и ночи в ожиданье.
Не смею проклинать часы разлук,
Когда отправишь без причин в изгнанье.

И в мыслях не решусь задать вопрос,
Где можешь быть и кто вокруг толпою,
Как ждут тепла, продрогшие в мороз,
Так я мечтаю встретиться с тобою.

Любовь глупа, опять простить готова,
Не находя в твоих делах дурного.

58. «Бог, сделавший меня твоим рабом...»

Бог, сделавший меня твоим рабом,
Не дал мне право требовать отчёта:
Когда и кто к тебе приходит в дом
Делить с тобой веселье и заботу.

Я твой вассал, печальна моя роль —
В тюрьме разлуки ждать распоряжений,
Сносить отказ, не обвинять за боль,
Терпеть обиды горьких унижений.

Будь, где желаешь, волен сам решать,
Чем заниматься делом, иль забавой,
Ты и винить, и сам себя прощать,
За смертные грехи имеешь право.

Дурны, иль хороши те развлечения,
Жду, не судя, хоть это и мученье.

59. «Коль всё старо, то новь – лишь повторенье...»

Коль всё старо, то новь – лишь повторенье.
Ум, заблуждаясь, с дедовских времён,
Нам выдаёт за новое творенье
Того, кто был давным-давно рождён!

О, если бы я мог, попав в архивы,
Из древних книг, проживших пять веков,
Узнать, как наши предки терпеливо
Тебя изображали вязью слов.

Читая книги древнего поэта,
Понять, кто лучше красоту воспел.
У нас ли лучше получилось это,
Иль совершенству тоже есть предел.

Уверен, что меня опередив,
Хвалил он тех, кто был не так красив.

60. «Волна волну подталкивает в спину...»

Волна волну подталкивает в спину,
Пока на камни берега несёт,
Так и минуты до своей кончины
Упорной чередой спешат вперёд.

Все к зрелости ползут со дня рожденья,
Едва успев взглянуть на Божий свет.
В зените начинается старенье —
От Времени живым пощады нет.

Цвет юности в расцвете лет пронзает,
Морщинами уродует чело,
Всё лучшее в природе поедает,
Косой срезая всё, что отцвело.

И всё ж надеюсь, что хваля красу,
Её в стихах от времени спасу.

61. «Твоей ли волей ночью образ твой...»

Твоей ли волей милый образ твой
Мне не даёт тяжёлых век сомкнуть?
Ты шлешь мне тени, схожие с тобой,
Мои глаза, пытаясь обмануть?

А, может, это твой незримый дух
Подсланный подглядывать за мной,
Пытается проверить лживый слух,
Быть может, ревность властвует тобой?

О нет! Твоя любовь не так сильна;
Моя любовь глаз не даёт сомкнуть,
Навязывая стража роль она,
Мешает мне и ночью отдохнуть.

Тревожит думой острой, как клинок:
К другим он близок, от меня далёк.

62. «Грех себялюбья – стал владыкой глаз...»

Грех себялюбья – стал владыкой глаз,
Душа и плоть теперь его владенья,
Так в сердце корнем глубоко увяз,
Что нету от него мне исцеленья.

Прекраснее лица не нахожу,
Изящен стан, дух полон благородства,
Когда свои достоинства сужу,
То вижу над другими превосходство.

Когда покажет зеркало меня
Потасканным, в сединах и морщинах,
Тогда твержу, себя за грех виня:
Чудовищна любовь к себе в мужчинах.

Хваля – тебя – хвалюсь в себе тобой,
Украшив старость юной красотой.

63. «Когда мой друг войдёт в мои года...»

Когда мой друг войдёт в мои года
Разбитым и потрёпанным судьбою,
Кровь истощится, станет как вода,
Пойдёт к закату утро голубое.

Старуха старость постучится в дверь,
Поблекнут краски царственные ныне,
А в довершение всех других потерь
Краса, как цвет весны, его покинет.

Пытаясь защитить от этих лет,
Я тороплюсь построить укрепление,
Когда нож старости захочет срезать цвет,
Спасу прекрасный облик от забвенья.

Защитой станет чёрная строка
В ней образ друга будет юн века.

64. «Безжалостна у Времени рука...»

Безжалостна у Времени рука:
Пощады нет богатству и гордыне,
И башню, простоявшую века,
И бронзу вечных статуй опрокинет;

Я вижу, как голодный океан
Водой на царство суши наступает,
А берег волны рушит, как таран —
Баланс захватов и потерь равняет;

Чередование этих перемен
Внушает, что закончится всё крахом,
Потери учат думать: грозен тлен,
В урочный час любовь погубит махом.

От этой мысли хочется рыдать
О том, что есть, но страшно потерять.

65. «Раз бронзу, камень, твердь земли и море...»

Раз бронзу, камень, твердь земли и море —
Всё брeнность бытия разрушит в прах,
Как выжить красоте в неравном споре
В ней стойкости не больше, чем в цветах.

Как может устоять дыханье лета,
Попав в осаду беспощадных дней,
Когда и скалам не по силам это,
Железные ворота – не прочней.

Пугает мысль: надёжных нет укрытий,
Где мой алмаз от Времени хранить,
Кто в силах удержать поток событий
И красоту от порчи защитить?

Никто не совершал такого чуда,
Спасу её в чернилах – первым буду.

66. «Устав, взываю к смерти: – Нет терпенья!»

Устав, взываю к смерти: – Нет терпенья!
Достоинство с рожденья в нищете,
Нарядное ничтожество в веселье,
О вере забывают в суете,

И почесть воздают не по заслугам,
И добродетель век, глумясь, растлил,
И совершенство оболгали слухом,
И мощь правитель в немощь превратил,

И власть лишила голоса искусство,
И знаниями блажь руководит,
И дурью честность нарекло холуйство,
И зло добру прислуживать велит.

Устав так жить, ушёл бы я до срока,
Боюсь любовь оставить одинокой.

67. «Зачем он должен жить среди пороков...»

Зачем он должен жить среди пороков,
Украшив их присутствием своим,
Чтоб тяжкий грех, укрывшись от упрёков,
Себя связал ещё прочнее с ним?

Зачем цвет мёртвых красок подражает
Румянцу его щёк, он – нежно ал,
Зачем обман уродство украшает
Его лицо, приняв за идеал?

Зачем он должен жить, когда Природа,
Растратив кровь давно уже банкрот,
Казна её всё меньше год от года,
Живёт лишь тем, что у него берёт?

Она хранит его, чтоб с пьедестала
Нам показать, чем раньше обладала.

68. «Он – образец для лиц минувших дней...»

Он – образец для лиц минувших дней,
Когда краса жила и умирала,
Как цвет весны, а мода лбы людей
Заёмной красотой не украшала.

Тогда ещё не стригли мертвецов,
Был локон достоянием могилы,
Завитый волос в виде париков,
На голову не водружали мылом.

Видна в нём благодать иных веков,
В то время красота была здорова,
Не молодилась, грабя стариков,
Творя весну, из юности другого.

Друг – образец красоты, царившей раньше,
Чтоб видело её искусство фальши.

69. «Твой внешний облик восхищает мир...»

Твой внешний облик восхищает мир,
Прекрасно всё: походка, стать, ухватка,
Все языки твердят, что ты кумир
И злейший враг не видит недостатков.

Все те, кто плоть прославили хвалой,
Воздали только то, что причиталось,
Но речь у них была совсем иной,
Когда души невидимой касалась.

Увидев красоту твоей души,
Её в догадках мерили делами;
Обдумав всё, решили торгаши:
Цветок хорош, но пахнет сорняками.

В чём состоит причина всех проблем?
Лишь в том, что ты цветёшь, доступный всем.

70. «Виня в грехах, навет даёт урок...»

Виня в грехах, навет даёт урок:
Краса мишенью клеветы бывает;
Догадками чернит её намёк —
Как ворон в синеве небес летает.

Когда красив, у сплетен есть резон
Твердить, что ты соблазнам потакаешь,
Червь портит самый сладостный бутон —
Ты чистоту рассвета воплощаешь.

Ты миновал ловушки юных дней
И вышел победителем из схваток,
Жди в будущем нападки посильней,
Все прошлые от зависти задаток.

На лбу тень подозренья, как венец.
Ты был бы без неё король сердец.

71. «Когда умру, оплакивай меня...»

Когда умру, оплакивай меня
Не дольше, чем с церковей колоколами
Трезвонить будут, что сбежал, кляня
За подлость мир, теперь в земле с червями.

Читая эти грустные слова,
Не вспоминай меня – того не стою,
Люблю так сильно, что даю права,
Забыв меня, не мучиться тоскою.

А если ты заглянешь невзначай
В мои стихи, когда смешаюсь с глиной,
Поэта имя вслух не вспоминай —
Пусть гибнет и любовь с моей кончиной.

Когда умру, и грусть, и слёзы спрячь,
Чтоб мир тебя не осмеял за плач.

72. «Чтоб злобный мир не требовал отчёта...»

Чтоб злобный мир не требовал отчёта,
Как полюбил меня, мой зная нрав,
Умру – забудь, зачем тебе забота,
Не сможешь доказать, что ты был прав,

Пока, мои расхваливая свойства,
Не призовёшь себе на помощь ложь,
Напрасным будет всё твоё упорство,
Над правдою меня не вознесёшь.

А чтобы ложь нас пачкать не посмела
И ты, хваля меня, не прятал глаз,
Пусть имя похоронят вместе с телом,
Чтоб больше не могло позорить нас.

Мне за убогость дел моих обидно —
Тебе меня любить должно быть стыдно.

73. «Во мне ты видишь время года...»

Во мне ты видишь время года,
Когда стал редок жёлтый лист,
С дрожащих веток, в непогоду,
Уже не слышен птичий свист.

Во мне ты видишь дня старенье,
Когда в закате гаснет свет,
Подобье смерти и забвенья —
Ночь красит небо в чёрный цвет.

Во мне ты видишь увяданье
Огня в кровати золотой,
Погасит яркое сиянье
Он пищей, ставшею золой.

Увидев это, понимаешь:
Милей всего то, что теряешь.

74. «Не плачь, когда за мной придёт конвой...»

Не плачь, когда за мной придёт конвой
И уведёт без права возвращения,
Ведь жизнь моя продолжится строкой
Любимого тобой стихотворенья.

Перечитав его, увидишь вновь
Всё то, что лишь тебе принадлежало —
Поэта бесконечную любовь,
Земля получит то, что ей пристало.

Теряешь ты отбросы жизни – прах,
Он для червей законная добыча.
Всё лучшее останется в стихах,
Напрасно мы, теряя тело, хнычем.

В нём нет цены, ведь ценно, что творим,
А творчество останется твоим.

75. «Для мыслей ты – как пища для желудка...»

Для мыслей ты – как пища для желудка,
Как для земли в зной грома бубенцы,
С любовью бой веду я не на шутку,
С ней маюсь, как с богатствами скупцы:

Они – то рады, наслаждаясь ими,
То вновь от страха потерять дрожат;
Я, как они, то прячу твоё имя,
То славить на весь мир стихами рад.

Порой пресыщен пиршеством общенья,
Расставшись – начинаю голодать
И вновь готов за миг уединенья
Другие удовольствия отдать.

То чахну я, то объедаюсь пищей,
Пока люблю, я – то богач, то нищий.

76. «Зачем свой стих лишаю украшений...»

Зачем свой стих лишаю украшений,
Разнообразья, быстрой смены тем,
Не изучаю веяний, течений,
Новейших мнений, стилей и проблем?

Зачем пишу всегда одно и то же,
В старьё воображение ряжу,
Мои слова между собой так схожи,
Что я отцовство в каждом нахожу?

Любовь моя, всё потому не ново,
Что лишь тебе стихи я посвятил,
Нарядом новым украшая слово,
Я трачу то, чем много раз платил.

Как солнце утром и старо, и ново,
Так и любовь, всё повторяет снова.

77. «Как вянет юность зеркало покажет...»

Как вянет юность, зеркало покажет,
Часы – движенье дорогих минут,
На чистый лист мысль синей строчкой ляжет,
Прочтя её, читатели поймут:

Что их морщины в зеркалах правдивых
Намёк на то, что всех могила ждёт;
Поможет тень в часах неутомимых,
Постичь, как время к вечности течёт.

А всё, что память удержать не в силах,
Доверь пустым страницам, а потом,
Однажды, обнаружив деток милых,
Припомнишь мысль рождённую умом.

Часы и зеркала, поймав, твой взгляд,
И книгу, и твой ум обогатят.

78. «Я часто призывал тебя как музу...»

Я часто призывал тебя как музу,
Ты начал на сонеты вдохновлять,
Завидуя возникшему союзу,
Мне все поэты стали подражать.

Твои глаза немых петь научили,
А тяжкое невежество – летать,
Учёным пышно крылья оперили,
Изыществу придали благодать.

Гордись сильней всего тем, что слагаю,
Ведь всё моё – тобою рождено,
Другие стиль творений украшают,
А мне судьбою большее дано.

Ты для меня – и всё моё искусство,
И самое возвышенное чувство.

79. «Пока я о тебе писал один...»

Пока я о тебе писал один,
Стих поражал изяществом ухватки,
Теперь больную Музу мучит сплин,
Поэтому мои стихи в упадке.

Я признаю: милее темы нет,
Пока молчу, достойные ликуют,
Но всё, что сочинит другой поэт,
Он у тебя – тебе, мой друг, ворует.

Когда про добродетель говорит,
Ты поведением даришь вдохновенье,
Всё то, что о твоей красе твердит, —
Тебе принадлежит со дня рожденья.

Не стоит он, мой друг, твоих похвал,
Ты заплатил за всё, что он сказал.

80. «Когда о друге я пишу....»

Когда о друге я пишу сонет,
Хваля его, меня лишает слова,
Сковав язык, могущество другого —
Не в силах я достойный дать ответ.

Душою ты – широк, как океан,
Рад равно кораблю и лодке шаткой.
Могуч корабль, но я готовлюсь к схватке —
Ладья бесстрашной дерзкий капитан.

Твоя поддержка мне важна сейчас,
Корабль на глубине в себе уверен.
Когда разбитой лодки след потерян,
Он остаётся радостью для глаз.

Корабль плывёт, ладья разбита в прах,
Страшнее то, что и любовь ждёт крах.

81. «Коль доживу, приду похоронить...»

Коль доживу, приду похоронить,
Переживёшь – придёшь на погребенье,
Стих о тебе не сможет смерть убить —
Меня постигнет полное забвенье.

Тебе бессмертье принесут стихи,
Я должен буду умереть для мира,
Могила будет платой за грехи,
А ты в глазах останешься кумиром;

Стихи на пьедестале вознесут,
Потомки их прочтут или услышат,
На будущий язык переведут,
Когда умрут все те, кто ныне дышит.

Перо поможет до скончанья дней,
Тебе веками жить в устах людей.

82. «С моею Музой браком ты не связан...»

С моею Музой браком ты не связан,
А значит, можешь смело принимать
Все посвященья, ты же не обязан
Всех пишущих за них благословлять.

Ты совершенен и умом, и телом,
Считаешь, что тебя я не ценил,
Поэтому сменил на тех, кто смело,
И современно суть твою хвалил.

Наступит день, и ты, друг, убедишься,
Что вычурна риторика у них,
Сонеты перечтёшь и согласишься,
Что лучший твой портрет в моих, простых;

Густую краску применяют там,
Где кровь не дарит яркости щекам.

83. «Я видел, что хорош ты, как и раньше...»

Я видел, что хорош ты, как и раньше,
Поэтому не тратил зря румян,
Казалось, что ты выше пошлой фальши,
Считаешь пустословье за изъян.

Поэтому – то лишний раз не славил,
Ты убеждал, взрослея на глазах,
Что ни один поэт не знает правил,
Как по заслугам похвалить в стихах.

Молчание не грех мой, а заслуга,
Немым оставшись, не был среди тех,
Кто похвалами вред наносит другу,
Стараясь его славить громче всех.

Ты каждым глазом даришь больше света,
Чем похвалами два таких поэта.

84. «Кто скажет миру лучше и точней...»

Кто скажет миру лучше и точней,
Чем похвала, что ты – один такой?
Нет никого прекрасней и умней —
Ты идеал и телом, и душой.

Нельзя прибавить славы той рукой,
В которой нет таланта хоть чуть – чуть,
А написавший: «Ты – один такой».
Сумеет описанием блеснуть.

Копируя, не будет искажать
Того, что создала природа мать,
Тогда и ум сумеет доказать,
И совершенством стиля восхищать.

Любя хвалу и добиваясь лести,
Ты красоте добавишь лишь бесчестья.

85. «Язык мой связан, муза онемела...»

Язык мой связан, муза онемела,
Зато пышны соперники в речах,
Они спешат своим пером умело
Воспеть тебя в отточенных стихах.

Я в мыслях щедр, а им не жаль чернила,
Как неуч – клирик говорю: – Аминь!
На каждый гимн, пропетый ими милой,
Так утончённо славят лишь богинь!

Услышав, говорю: «Всё это верно»,
Ещё смелее похвалить готов,
Но только в мыслях, там любовь безмерна,
Жаль, быстро не находит нужных слов.

Цени других за ветер громких фраз,
Меня – за нежность чувства без прикрас.

86. «Его ли гордый парус из стихов...»

Его ли гордый парус из стихов,
Взяв курс к тебе, заставил утрашиться,
Упрятав мысли в глубь моих мозгов,
Мой череп превратил для них в гробницу?

А может, дух, ему усилив стих,
Теперь меня лишает дара речи?
Нет, с помощью товарищей ночных
Не в силах он стихи мои калечить.

Ни сам поэт, ни бестелесный дух
Не смогут довести меня до краха,
Победою им не хвалиться вслух,

Ведь я молчу совсем не из-за страха.
Ты, красотой ему, прибавив сил,
Мои сонеты голоса лишил.

87. «Прощай, ты слишком награждён природой...»

Прощай, ты слишком награждён природой,
Чтобы, как равный, мог дружить со мной.
Достоинства дают тебе свободу,
Нет права у меня владеть тобой.

Мы, с твоего согласия стали парой,
Чем заслужил такой поток наград?
Ты осознал, что нет причин для дара,
Поэтому забрал его назад.

Дарил себя, своей цены не зная,
А может, высоко меня ценил;
Теперь, свою ошибку исправляя,
Забрал назад всё то, чем наградил.

Я, как король, владел тобой во сне,
Проснулся, а короны нет на мне.

88. «Когда меня унизишь без причин...»

Когда решишь унизить без причин,
Предав меня толпе на осмеянье,
Я поддержу тебя и твой почин —
Для ложных клятв придумав оправданье;

Свои пороки, зная лучше всех,
Я письменно признаю обвиненья,
Прилюдно осужу себя за грех,
Порвав со мной, получишь одобренье.

В накладе от того не буду я:
Любовь к тебе не ведает преграды:
Готов, не дрогнув, обижать себя,
Что благо для тебя – и мне отрада.

Я твой всецело! – клялся не для виду,
Чтоб ты был прав, готов сносить обиды.

89. «Скажи, что я дал повод изменять...»

Скажи, что я дал повод изменять,
Начну себя винить за этот повод;
Хромым прославишь – стану ковылять,
Приму, не защищаясь, каждый довод.

Так зло меня не сможешь упрекать,
Чтоб сделать благовидной перемену,
Как я себя смогу оклеветать,
Тебе усердно, набивая цену:

Знакомство скрою, буду, как чужой,
Язык забудет сладостное имя,
Чтоб он своей наивной болтовнёй
Не выдал то, что были не чужими.

Клянусь, что буду спорить сам с собой,
Мне недруг тот, кто не любим тобой.

90. «Возненавидь, коль хочешь, но сейчас...»

Возненавидь, коль хочешь, но сейчас,
Когда весь мир признал за супостата,
Согни меня, но, только, в этот раз,
Не будь моей последнею утратой.

Уйди совсем, печаль не воскрешай,
Не возвращайся в арьергарде горя;
Грозу на дождь рассвета не меняй,
Готовя мне погибель в новой ссоре.

Желаешь бросить, – первым уходи,
Когда нахлынут беды, словно Гунны,
Возглавь их натиск, бей и не щади,
Тогда узнаю злую мощь фортуны,

Все горести, что кажутся бедой,
Померкнут от прощания с тобой.

91. «Кто горд своим родством, кто мастерством...»

Кто горд своей роднёй, кто мастерством,
Кто полным кошельком, кто силой тела,
Кто модным платьем, гончей, скакуном,
Кто соколом, разящим дичь умело;

Не счесть всех увлечений у людей,
На каждый нрав находится отрада;
Но эти частности – не мерка для моей,
Превыше всех она – моя услада:

Твоя любовь почётнее родства,
Ценней богатств и роскоши наряда,
Милей охоты, скачек, мотовства,
Я этим всем хваюсь, когда ты рядом.

Но горько сердцу помнить ежечасно,
Что ты, забрав всё, сделаешь несчастным.

92. «Решись на худшее и укради себя...»

Решись на худшее и укради себя;
Пока я жив, останешься со мною,
Я жить умею лишь тебя любя,
Когда уйдёшь – навек глаза закрою.

Мне нет нужды ждать худшего из зол
И меньшее жить шанса не оставит;
Я утешенье в том себе нашёл,
Что твой каприз моей судьбой не правит.

Поэтому не сможешь мучить впредь,
Твоя измена для меня – отравка.
Доволен тем, что счастье умереть,
Когда разлюбишь, я имею право!

Способен ли кто счастье запятнать?
Ты мог грешить, а я о том не знать.

93. «Живу, надеждой: ты не изменил...»

Живу, надеждой: ты не изменил,
Как рогоносец, забыв о чести.
Твоя любовь теряет прежний пыл —
Со мною плоть, а сердце в другом месте.

Глаза чисты – ни тени перемен,
Ещё не научились ненавидеть,
Нельзя по ним историю измен,
Как у других по внешности, увидеть.

Творя тебя, старались небеса,
Чтоб был ты от любви всегда пригожим,
Тревогами не портилась краса,
Усталость не губила свежесть кожи.

Как яблоко у Евы, вид твой мил,
Он от людей твои пороки скрыл.

94. «Кто полон сил, но не наносят ран...»

Кто полон сил, но не наносит ран,
Не делая того, что вид сулит;
Кто, двигая других, как истукан,
Не дрогнув в искушениях стоит.

Те, получая милости с небес,
Дары природы свято берегут;
Собой владея, умирят стресс,
Другие их за совершенство чтут.

Дарил прекрасный аромат цветок,
Хоть для себя жил до последних дней,
Когда в него влез мерзкий червячок,
Тогда стал запах сорняков нежней.

Как слава добрых дел почётней злых,
Так и сорняк милей цветов гнилых.

95. «Ты лакируешь грязные дела...»

Ты лакируешь грязные дела,
Которые, как черви свежесть розы,
Источат красоту твою дотла,
Поставят честь и имя под угрозу!

Изучат сплетни каждый день и час,
Фривольно намекнут на развлеченья,
Осудят похвалой двуличных фраз,
Трусливо пряча в лести оскорбленья.

Какой роскошный дом нашёл порок,
Тебя он выбрал в качестве жилища,
На грязь красу, накинув, как платок,
Всё делает для глаз желанной пищей!

Я верным сердцем на клинок похож,
Не мучай зря – затупишь острый нож.

96. «Одни тебя винят за то, что юн...»

Одни тебя винят за то, что юн,
Другие упрекают за распутство,
А третьи хвалят: – Да, он мот, хвастун,
Но в нём очаровательно беспутство.

К тебе господ и слуг всегда влекло,
Ты делаешь порок приятным глазу,
На пальце королевы и стекло
Искрится так, что кажется алмазом.

И волк бы мог обманывать овец
Свирепый вид, укрыв овечьей шубой,
Ты стал бы покорителем сердец,
Используя всё то, что людям любо.

Не делай этого я, чувства не тая,
Клянусь: – Ты – мой и честь твоя – моя!

97. «Зимою показалась мне разлука...»

Зимою показалась мне разлука
С тобою, пока жил ты при дворе!
Я чувствовал мороз, от тьмы и скуки,
Мир постарел, был наг, как в декабре!

На самом деле лето, правя краем,
Передавало осени права,
Несла живот с богатым урожаем,
Весной осеменённая вдова.

Мне сиротой тот урожай казался —
Ждёт горе без отца рождённый плод.
Ты радостями лета наслаждался,
Нам без тебя, здесь птица не поёт.

А запоёт – издаст такие звуки,
Что лист, бледнея, с веткой ждёт разлуки.

98. «Когда весной я был с тобой в разлуке...»

Когда весной я был с тобой в разлуке,
Гордец апрель рядился напоказ,
Дух юности очистил мир от скуки,
Сатурн и тот, смеясь, пустился в пляс.

Но песни птиц и аромат бутонов
Разговориться мне не помогли,
Не рвал цветов из ласкового лона
Взрастившей их красавицы земли.

Не восхищался белизною лилий,
Пунцовых роз оттенки не хвалил;
На копии не тратил зря усилий,
Ведь образцом для них твой облик был.

Весна казалась мне зимой, цветы,
Лишь тенью твоей яркой красоты.

99. «Бранил фиалку: «Милая воровка...»

Бранил фиалку:» Милая воровка,
Откуда твой сладчайший аромат,
Не с губ ли друга утащила ловко,
А цвет взяла у крови напрокат?»

Твой цвет волос – в бутоне майорана,
У лилий – белизна твоей руки,
Из роз одна – краснеет словно рана,
Украд румянец у твоей щеки.

Вторая от волнения побледнела,
А третья цвет похитила у них
И белую, и красной стать сумела,
Её за грех червь точит за двоих.

Весною за цветами наблюдал:
Кто цвет, кто сладость у тебя украл.

100. «Где пропадаешь, ветренная муза...»

Где пропадаешь, ветренная Муза,
Не вдохновляешь, весть не подаешь?
Быть может ты, краснея от конфуза,
Ничтожествам и бездарям поёшь?

Вернись быстрее, искупи измену,

Стихами расплатись за мотовство,
Спой для того, кто слову знает цену,
Перу даст тему, блеск и мастерство.

Очнись, взгляни в лицо, что мной любимо,
Найдёшь порок, сатирую язвы,
С дряхлением борись неутомимо,
Везде к нему презрение яви.

Успей прославить друга красоту,
Останови мгновенье налету.

101. «Лентяйка, муза, чем ты объяснишь...»

Лентяйка муза, чем ты объяснишь
Молчание при встрече с красотой?
Ведь ты же против истины грешишь
Ей, не воздав заслуженной хвалой.

Быть может, попытаешься сказать:
«У вечных истин постоянен цвет;
Суть красоты не нужно украшать;
Для лучшего замены в мире нет»?

Но можно ль стать от этого немой?
Молчанье не пытайся оправдать,
Воспой, да так, чтобы твоей хвалой
Могли в грядущем друга прославлять.

Работай муза, не смыкая глаз,
Чтоб он всегда был молод, как сейчас.

102. «Спокоен внешне, а в груди пожар...»

Спокоен внешне, а в груди пожар;
Любовь растёт, но с виду всё подросток;
Не стану, превратив её в товар,
Расхваливать на каждом перекрёстке.

Пока любовь у нас была юна,
Я распевал ей песни до рассвета,
Трель соловья сменила тишина,
Когда пришла для чувств пора расцвета.

Не потому, что соловьям милей
Цветы весны – плодов заката лета;
Когда певцы поют со всех ветвей,
Теряют прелесть трели и сонеты.

Поэтому и я, хваля твой лик,
Решил немного придержать язык.

103. «Убожество рождает моя Муза...»

Убожество рождает моя Муза,
Богатство превращает в нищету,
Моя хвала – и в этом суть конфуза —
Тебе не добавляет красоту

О, не вини за долгое молчанье!
Глянь в зеркало – увидишь, что поэт
Не передал твоё очарованье,
Стихи скучны, в сравненьях правды нет.

Я согрешил, пытаюсь то, что было
И без того прекрасным – улучшать,
Но исказил, таланта не хватило
Достоинства и прелесть описать.

Всё то, чего в моем сонете нет,
Тебе покажет в зеркале портрет.

104. «Ты, милый друг, – чудесный дар для глаз...»

Ты, милый друг, – чудесный дар для глаз,
Не старишься, как требует природа,
Каким тебя увидел в первый раз,
Таким и остаёшься все три года.

Мороз трёх зим убил жару трёх лет,
Цветы весны плодами трижды стали,
Повсюду время оставляло след —
Твоя краса и юность устояли.

И всё – таки менялся внешний вид,
Как положение стрелки – еле, еле;
Моим глазам казалось, что стоит,
Но двигалась она на самом деле;

Поэтому скажу: Грядущий век,
Ты опоздал, твой идеал померк.

105. «Зря говорят: Язычник – несомненно!..»

Зря говорят: Язычник – несомненно!
Не идолу поклоны в храме бью,
Мои хвалы и песни неизменны,
Я об одном, и одному пою.

Друг – добр всегда, и этим уникален,
Во всём он совершеннее других,
Поэтому в хвалах я постоянен,
Одно и то же говорит мой стих.

Пишу о нём: прекрасный, добрый, верный,
Потом о том – другим набором слов,
Три темы – вариации безмерны,
Они – душа и суть моих стихов.

Прекрасных, добрых, верных нам хватало,
В одном – трёх этих качеств не бывало.

106. «Листая фолианты древних книг...»

Листая фолианты древних книг,
Я вижу описанья граждан знатных,
Воспевший красоту старинный стих
Про верных дам и рыцарей галантных.

Хваля в стихах шедевры красоты
От рук и ног, до нежных губ и взгляда,
Поэты знали, что родишься ты,
Все их хвалы твоей красе награда.

На нас смотрели мысленно они,
Воображенье дали осветило,
Пророки заглянули в наши дни —
Воспеть тебя уменья не хватило.

Ведь даже мы, живущие сейчас
Немеем при сиянье нежных глаз.

107. «Ни страхи сердца, ни душа пророка...»

Ни страхи сердца, ни душа пророка,
Вонзая взор в грядущие века,
Не могу мне назвать любви истоки
И сроки предсказать наверняка.

Луна своё затмение испытала,
Авгуры больше не скрывают смех,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.